

Поэт в России – больше, чем поэт

Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии»

Отчаянье

З.Н. Гиппиус

Довольно: не жди, не надейся –
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать: –

Туда, на равнине горбатой, –
Где стая зеленых дубов
Волнуется купой подъятой,
В косматый свинец облаков,

Где по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,

Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, –

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, –
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Июль 1908

Серебряный Колодезь

Из окна вагона

Эллису

Поезд плачется. В дали родные
Телеграфная тянется сеть.
Пролетают поля росяные.
Пролетая в поля: умереть.

Пролетая: так пусто, так голо...
Пролетают – вон там и вон здесь –
Пролетают – за селами села,
Пролетает – за весями весы; –

И кабак, и погост, и ребенок,
Засыпающий там у груди: –
Там – убогие стаи избенок,
Там – убогие стаи людей.

Мать Россия! Тебе мои песни, –
О немая, суровая мать! –
Здесь и глуше мне дай, и безвестней
Непугливую жизнь отрядить.

Поезд плачется. Дали родные.
Телеграфная тянется сеть –
Там – в пространства твои ледяные
С буреломам осенним гудеть.

Август 1908

Суйда

Родина

В.П. Свентецкому

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле – неволя;
И в суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля –
Посылает нам крик: «Умирай –

Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: –
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слез.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи несущих смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой –
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

1908

Москва

Гениальный певец Петербурга

Андрей БЕЛЫЙ (Борис Бугаев)

1880, Москва – 1934, там же

Похоронили бы его на Новодевичьем кладбище через три года – то есть в тридцать седьмом году? Вряд ли, даже если бы он умер своей смертью. Он никогда никуда не вписывался. Даже в символизме, одним из символов которого был он сам, Белый был чужеродным вкраплением, как, впрочем, и в антропософии Рудольфа Штейнера, которой поклонялся. Белый вообще ни с кем и ни с чем не сливался. Он только вкрапывался – и в революцию, и в эмиграцию, и в человеческие отношения – и вдруг нечаянно, но в то же время закономерно выпадал из них.

Одиноче его был, пожалуй, только Блок. От страха одиночества, маячившего перед всеми интеллигентами, оказавшимися между агонизирующей монархией и эмбрионно брезжащим обманчивым «царством труда», было наивно-детское желание раствориться в общности или даже «сойти на нет в революционной воле» (как опасливо обмолвился Пастернак). Это сказывалось в гипнотизирующем проповедничестве неотвратимости революции как возмездия и даже в громоздких попытках создания эротических коммун с бисексуальным привкусом. Такие эксперименты были не столько распушенностью, сколько провинциальной попыткой триумфального выпускновения «красивого зверя» из ржавой клетки условностей.

Хотя Андрей Белый, этот гениальный певец Петербурга, родился вовсе не в самом достоевском городе мира, он был похож на призрак, вызванный ушедшими и подполье болотами, только поверху скованным гранитом, с ощущением покачивающимся на опасно ощущаемой жиже Зимним дворцом, куда сквозь паркет проникали ядовитые испарения как предсказание дыма и гари террористических взрывов.

В поздней страсти Белого танцевать в берлинских кабаках шимми, дикими прыжками седого сумасшедшего кузнечика закруживая головы первопопавшихся гретхен, ветчинно-розовых, с носками, блестящими так, словно их смазали смальцем, – было нечто пугающее и в то же время завораживающее апокалипсическое. В этих танцах он был интеллектуальной разновидностью тех «попрыгунчиков», какие в годы нэпа со свистом и гиком скакали по ночам на особых пружинах в развешивающихся балахонах, грабя падающих в обморок прохожих. Но он был и одним из ограбленных, превратившись почти в Акакия Акакиевича, у которого отобрали новую Россию, как новую шинель, а старой не оставили. Однако служебный почерк героя Гоголя был гениален своей каллиграфичностью, а писательский почерк Белого породил русские дремучие иероглифы, смысл которых могли разгадать лишь немногие.

«В Белом была пляска и корчи какого-то донельзя обнаженного существа, но у него не было костюма, позы, актера», – свидетельствовал Федор Степун.

Белый, при всей силе его таланта, управлявшего им самим, был воплощением беспомощности русской интеллигенции, которая старалась казаться укротительницей фатума истории, а оказалась жертвой накликаемых ею же восторженных, но гибельных для нее самой революционных катаклизмов.

Белый выжил в революции благодаря репутации чудака-эксцентрика. Ему повезло, что революция, постепенно переставшая ею быть, не оказалась достаточно прозорливой для прочтения того, что он когда-то угадал в ней, одев ее в зловещее красное домино, скроенное из ее собственного знамени, в котором она пугающе возникала в образе соблазненного стать убийцей, запутавшегося в самом себе и в истории героя великого романа «Петербург». Это

уже было прозрение, а не эксцентрика. Да и что такое прозрение? Это решимость предвидеть то, что предвидеть страшно, а все-таки необходимо. На стыке двух веков – XIX и XX – революционеры и провокаторы настолько перепутались и слиплись, что уже стали непредставимы друг без друга. Точное выражение Белого «Красный шут», адресованное Николаю Аполлоновичу Аبلеухову, неотрывно пристало ко многим актер-актеричкам от политики, заигравшимся в роли «борцов за свободу», и не только в нашей стране.

«Петербург» был в каком-то смысле продолжением «Бесов» Достоевского. Продолжать же «Петербург» суждено было Булгакову в «Мастере и Маргарите», Платонову в «Котловане», Олеше в «Зависти», Пастернаку в «Докторе Живаго». К этому списку примыкает и роман Бориса Житкова «Виктор Вавич». А еще бы я прибавил «Двенадцать стульев» с «Золотым теленком», и раннего Аксенова, и, конечно, «Москву – Петушки» Венедикта Ерофеева, – словом, всё то, что невозможно вообразить, если бы романа «Петербург» не существовало.

К сожалению, и проза, и сама жизнь Андрея Белого, описанная им в мемуарах, не избегающих даже таких деликатных тем, как его влюбленность в жену ближайшего друга – Александра Блока, были гораздо более поэтичны, чем его поэзия, за редкими исключениями перепевающая не лучшие стихи того же Блока. Поразительно, что, несмотря на столькие бурные влюбленности Белого, он так и не написал ни одного стихотворения о любви, которое мне захотелось бы включить в антологию. Но в прозаических гениальности нельзя отказать и его некоторым стихам. Пожалуй, самое сильное стихотворение Белого – это «Отчаянье». А вот две строки, которые дорогого стоят:

...Мать Россия, о родина злая,

Кто же так подшутил над тобой?

В них – и лермонтовская горечь, и некрасовская боль, и есенинская навзрыдность.

Зачищая Белого от суда пошляков, Зинаида Гиппиус докинула свой, как всегда острехонький, камешек и до наших дней, попав во многих из нас: «Понемногу сами «служители искусства» привыкли оправдывать и безволие, и невзрослость свою – именно причастностью к «искусству».

Тогда было модно переусложнять отношения с самыми близкими людьми, доводить дружеские связи до чудовищной запутанности – иначе жизнь казалась чересчур пресной, что ли? Или, может быть, круг близких людей становился с каждым годом всё более узким, так что нельзя было пошевелиться, чтобы не задеть кого-нибудь, даже не желая этого? Ведь подобное и с таким чутким человеком, как Пастернак, не однажды случалось.

Четко сфокусированную характеристику Белому дала Цветаева: «Его доверчивость равнялась только его недоверчивости. Он доверял – верялся! – первому встречному, но что-то в нем не доверяло – лучшему другу. Потому их и не было».

Было от чего быть недоверчивым. Когда в 1931 году Андрей Белый переезжал из Долгого переулочка в Москве в Детское Село под Ленинградом, то, воспользовавшись его отсутствием, у него конфисковали архив – ГПУ терзало любопытство: что это за такой загадочный человек? А вся его загадочность была в той тайной свободе, о которой писал Пушкин.

После припадков оптимизма Белого нередко мучили кошмары кафкианского будущего: «...сотни, тысячи, миллионы кроватей

ряд за рядом уходят куда-то в бесконечность. На кроватях спят «мы». У всех одного и того же серого цвета одеяла. Одинакового цвета ночные туфли, одного и того же вида столик у кровати, у всех одинаковые сновидения... Заявляю: среди «мы» я не буду... Мое «я» они в плен не возьмут...»

Чтобы держать в плену такое необъятное «я», всех бы запасов лагерной колочки не хватило. Но даже если бы он умер в лагере, он всё равно бы умер на свободе.

Возвращение
красного домино

Что на улицах? Кровь и мазут.
Вместе шли и аресты, и стройки.
«Мое «я» они в плен не возьмут...» –
он шептал на скрежещущей койке.

Не терзали людей только львы –
из сочувствия мраморных братьев,
и от страха, а не от любви
скрежетали миллионы кроватей.

Было столько забот у Кремля,
но машины чекистские мимо,
будто гений для них просто тля,
проходили необъяснимо.

Да и как было взять его в плен
или съесть это «я» человечье?
Ведь для Слова не плен – даже тлен,
и увечья ему – не увечья.

Потрошили поэта архив,
будто звуки искали во флейте,
и застыли, такое открыв:
«Вы не мучайте – просто убейте».

Что за клички – Анапест, Хорей –
ГПУ напрягали, пугая?
А не белый ли Белый Андрей,
ведь на самом он деле – Бугаев?

Одуванчик, танцор, женофил,
он легко мог на чуши словиться.
Ну а кто же он, в сущности, был?
Пекарь хлеба для тысяч славистов.

Что из будущего домело
к нам уже умирающей вьюгой?
Это красное домино
снова кружится над округой.

Вдруг наш ново-семнадцатый год
с перекрасившимся коммунизмом,
как сардинница, всех нас взорвет
потайным часовым механизмом?

Домино возвратилось назад.
Вдруг – для выстрелов по уцелелым?
Стал сегодня опять Ленинград
Петербургом, написанным Белым.

Евгений ЕВТУШЕНКО